

¹³ Булгаков М. Б., Гамаюнов А. И. Уставная таможенная грамота города Лебедяни 1628 г. // ОФР. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 234–243.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 28. Л. 289–290.

¹⁵ Там же. Стб. 28. Л. 293 а–304.

Л. А. Тимошина

ТАМОЖЕННАЯ ГРАМОТА 1654 г.: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ

Важнейшим этапом в развитии таможенного законодательства и таможенного дела в России стала середина XVII в., когда был подготовлен и принят хорошо известный в отечественной историографии документ, датированный 25 октября 1653 г.¹, который исследователи, ориентируясь, вероятно, на его различные заголовки в публикациях, называли и называют по-разному — торговый устав, уставная грамота, таможенный тариф². Через полгода, 30 апреля 1654 г., возник еще один акт, называемый чаще всего уставной грамотой царя Алексея Михайловича, также связанный с регламентацией некоторых сторон таможенной системы³. Однако из-за существовавшего, по-видимому, у исследователей определенного параллелизма в восприятии двух документов, в целом ряде работ грамота 1654 г. не упоминалась вообще⁴, а историки, обращавшие внимание, главным образом, на ее содержание, трактовали грамоту как дополнение к торговому уставу 1653 г.⁵ или меру, направленную исключительно на отмену откупов⁶, не задавались вопросом об обстоятельствах возникновения акта. Решение этого вопроса начнем со сравнительного анализа двух, появившихся почти одновременно, документов.

Прежде всего, обращает на себя внимание первичная форма актов и способ их последующего существования. Документ 1653 г. представляет собой приговор царя и боярской думы — «государь... указал и бояре приговорили», вынесенный 25 октября этого года, за скрепой думного дьяка Алмаза Иванова. Никакие особенности внешнего оформления документа не отмечены. Приговор 1653 г. был, вероятно, записан, ориентируясь на повседневную делопроизводственную практику, в конце докладной выписи, по которой царю и членам боярской думы зачитывали дела, требовавшие решения высшего государственного органа, а скрепа А. Иванова, находившегося в 1653 г. одновременно во главе Посольского приказа и Новгородской четверти⁷, позволяет полагать, что выпись готовилась сотрудниками этого последнего учреждения, так как круг вопросов, ведавшихся Посольским приказом, был несколько иным. Следовательно, и само дело с инициативными документами — подлинными челобитными и сказками торговых людей — формировалось в Новгородской четверти. Не исключено, что впоследствии из-за большого объема и важности содержания приговор был переписан в виде отдельного, впоследствии опубликованного, документа, отсюда и присутствующее в публикациях уточнение — «Торговый устав (в списке)».

Документ 1654 г. имеет вид указной грамоты («Божиею милостию мы, великий государь царь... указали есмы»), подготовленной, как следует далее из ее текста, в двух экземплярах, каждый за подписью царя («за нашу царскою рукою») и с золотой печатью, первый из которых был отдан на хранение («положили есмы») в кремлевский Успенский собор («в соборной церкви Пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии честнаго и славнаго ея Успения и великих святителей российских чудотворцов Петра, Алексия, Ионы и Филипа»), второй — вероятно, в Казенный приказ («царского величества в казне»). Заметим, кстати, что такой чести — находиться в Успенском соборе, чтобы «сама небесная царица Богородица и российстии чудотворцы» «соблюдали» их нерушимость, не удостоился в XVII в. ни один акт, включая Новоторговый устав и основной законодательный памятник столетия — Соборное уложение. Затем документ был напечатан на Московском печатном дворе тиражом 1200 экземпляров и вышел в свет 30 апреля 1654 г.⁸

Приведенных «внешних» различий уже достаточно, чтобы понять полную несхожесть документов 1653 и 1654 гг., составлявшихся, бесспорно, в различных учреждениях и разными лицами. Для подтверждения высказанного предположения проведем текстологический анализ актов.

Приговор 1653 г. написан с использованием обычных как для приказной практики в целом, так и для регламентирующей таможенной документации в частности терминов⁹ и в соответствии с общей структурой уставных грамот, например, с привычным выделением отдельных клаузул через предлог «А».

Совершенно иначе, витиеватым, вычурным, церковно-книжным языком, абсолютно далеким от четкого, лаконичного, делового языка приказной документации, в иной стилистике и с применени-

ем иной лексики и грамматики написана грамота 1654 г., отдельные цитаты из которой уже были приведены выше. Дополним их: после первой вступительной фразы следует «Сего ради умилившись и потщавшись, яко да поможет нам господь бог благоподражательное наше начало сотворити, якоже весть святая его благодать мир строити и любя тем присно на лучшее преуспевати и от любопытных низу плещущих горе восходити...» и т. д.¹⁰ Вместо четких и совершенно недвусмысленных санкций за различные нарушения по приговору 1653 г. («а сыскивать про утаенные товары и про цену всякими сыски накрепко, а буде кто доведется пытки, пытать») в документе 1654 г. читаются весьма расплывчатые и, главное, не содержащие реальных санкций филиппики: «Такожде заповедаем о Христе бозе детем нашим и внучатом и всем, хранящим державу царствия Российского, ему же господь бог благоволит, хранити в предъидущия веки сие наше изображение, еже есть, уставную грамоту непреступно соблюдать, и того ради воздаст ему господь бог в будущем веце вечная нетленная благая, о них же божественный апостол известует»¹¹.

Из этих фрагментов очевидно, что текст, подобный грамоте 1654 г., не мог возникнуть в светском государственном учреждении; постоянные апелляции к богу, московским чудотворцам, сочинениям апостолов, угрозы посмертной вечной муки вместо реальных наказаний в земной жизни, наконец, само место хранения документа — кафедральный собор, свидетельствуют о его появлении в церковном ведомстве. Исходя же из важности содержания (защита торговых людей от лихоимства откупщиков и мытчиков), особенностей оформления (золотая печать) и последующего хранения (Успенский собор) допустимо предположить участие в составлении документа высших церковных иерархов.

Определенное направление поиска подсказывает заключительный фрагмент грамоты с сообщением о том, что акт был положен в Успенском соборе «в царствующем нашем граде Москве при отце нашем и богомолце святейшем Никоне патриархе Московском и всея России». Высказанное предположение несколько неожиданно, но как нельзя лучше подтверждается при обращении к сборникам материалов, связанных с жизнью и деятельностью московского первосвященника.

Среди таких подборок имеется ряд сборников постоянного состава, включающего в себя: «Известие о рождении и воспитании и о жизни святейшего Никона» Ивана Шушерина; грамоту 30 апреля 1654 г.; грамоту царя Алексея Михайловича в Воскресенский монастырь о наименовании места Новым Иерусалимом; «видение» патриарха Никона; его же ответы присланным в Воскресенский монастырь архимандриту Чудова монастыря Иоакиму и думному дьяку Дементию Башмакову; грамоты газскому митрополиту Паисию и константинопольскому патриарху Дионисию; переписку Никона с митрополитом Иконийским и Каппадокийским Афанасием и греком Саввой Дмитриевым; «голос» епископа Полоцкого Каллиста в защиту Никона; проект низложения патриарха Никона на соборе 1660 г.; «чудеса врачевные» опального иерарха; духовную царя Алексея Михайловича; челобитную строителя Воскресенского монастыря старца Германа царю Федору Алексеевичу с просьбой о возвращении Никона из заточения; послание царя Федора Алексеевича в Кириллов монастырь; разрешительные грамоты вселенских патриархов 1682 г.; рассказы о «видениях», произошедших в Воскресенском монастыре; акrostихи на могиле патриарха Никона¹².

Исходя из постоянного, несмотря на разные рукописи, подбора сочинений и документальных материалов в существующих в настоящее время сборниках, можно с полной уверенностью утверждать, что именно такой состав был характерен и для протографического сборника, размноженного затем в нескольких списках. Историки русской книжности XVII в. датируют появление этого сборника хронологическим промежутком 1681–1686 гг., когда И. Шушерин написал свое «Известие», и самым концом XVII в. (запись о «видении» 1695 г.)¹³. Следовательно, и включение в протографический сборник грамоты 1654 г. произошло в этот хронологический период. Дальнейший же анализ тематического состава материалов сборника позволяет сделать еще ряд важных для нашей темы наблюдений.

Во-первых, бросается в глаза хорошая продуманность всей подборки: литературно-публицистическое «Известие» И. Шушерина, охватывающее всю жизнь Никона, дополняется наиболее важными документальными материалами, характеризующими ключевые моменты жизни патриарха. Во-вторых, достаточно строго соблюдаемый (нарушения есть только в порядке расположения «видений») хронологический принцип расположения документов «конвоя». Все вместе взятое позволяет полагать, что составитель сборника очень хорошо знал все обстоятельства жизни и деятельности патриарха Никона и имел свое собственное представление о наиболее показательных в этом отношении документах, свою, если угодно, историографическую концепцию. Следовательно, и грамота 1654 г., открывающая этот комплекс, была включена в него сознательно и составитель сборника прекрасно понимал связь этого документа с патриархом¹⁴.

Патриаршее происхождения грамоты 1654 г. хорошо объясняет такие отмеченные выше особенности документа, как книжно-церковный язык, отличный от приказного делового письма, хранение первого экземпляра грамоты в кафедральном московском Успенском соборе, появление акта в печатном виде вскоре после того, как Московский печатный двор перешел под контроль патриаршего ведомства.

Атрибуция грамоты 1654 г. патриарху Никону неизбежно ставит достаточно сложный вопрос о степени его личного участия в подготовке документа. Ответ на него требует проведения серьезных текстологических исследований. Сейчас же выскажем некоторые первоначальные и, возможно, подлежащие в дальнейшем корректировке наблюдения.

Анализ приговора 25 октября 1653 г. и грамоты апреля 1654 г. показывает определенную близость текста этих документов в постановляющих частях:

Приговор 25 октября 1653 г.	Грамота 1654 г.
<p>А перевоз имать на больших реках, на Волге и на Оке*, в косую воду, весною на Николин день вешний, а в осень с Покрова до заморозья, с товарные телеги по десяти денег; а с тутошних с уездных людей с товарной же телеги ... по шти денег; а с проезжей телеги по четыре деньги, а с верхового человека по три деньги, с пешего <u>по две деньги</u> (СГГД. Ч. 3. № 158. С. 492)</p>	<p>...перевозы, на Волге и на Оке, в вешнюю полуую воду по Николин день, с большия з двойныя телеги по десяти денег; с одинакия с товарныя телеги по шти денег; а с ... проезжих бестоварных телег по четыре деньги, а с вершника проезжаго человека по три деньги, с пешаго <u>по деньге</u> (СГГД. Ч. 3. № 173. С. 519)</p>

* Полу жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты, подчеркиванием — различия.

Очевидно, что составителю грамоты 1654 г. был не только известен, но и доступен (в том или ином виде) приговор 1653 г., без непосредственного использования которого такая текстуальная близость вряд ли была бы возможна; различия же в норме взимания перевозной пошлины с пешехода (две деньги или одна) могут объясняться опиской или опечаткой, допущенной как в XVII, так и в XIX в. (в дальнейшем с привлечением конкретных таможенных документов эту величину можно и нужно проверить).

Вместе с тем, очень подробное перечисление в грамоте 1654 г. пошлин, которые следовало отменить и не отдавать в откуп (посаженного, привального, грузового, головщины и др.), отсутствующее в приговоре 1653 г., свидетельствует о знакомстве составителя нового акта с местными уставными таможенными грамотами предшествующего периода, где упоминаются подобные пошлины¹⁵, или просто с повседневной недавней практикой взимания пошлин.

Отметим теперь некоторые личные качества патриарха Никона, способствующие работе над этим документом: известны его многочисленные автографы (отписки из Новгорода в 1650 г., письма царю Алексею Михайловичу, подписи на грамотах), выполненные беглым и уверенным, хотя и не каллиграфическим почерком¹⁶, не просто грамотного, а постоянно пишущего человека. Исследователи же его творчества постоянно отмечают хорошее владение словом, уверенное знание церковно-учительной литературы, публицистическую одаренность автора¹⁷.

Объединение этих двух наблюдений позволяет предполагать непосредственное участие патриарха Никона в подготовке и, весьма вероятно, написании текста грамоты 1654 г. в ее начальной и заключительной частях, наполненных церковно-книжной риторикой¹⁸. Однако средняя часть документа, где излагаются собственно нормы таможенного обложения, несколько отличающаяся и по лексико-грамматическому строю, вряд ли может быть напрямую атрибутирована самому патриарху. Скорее всего, эта часть была первоначально подготовлена кем-то из служителей патриарших приказов, знакомым с приказной делопроизводственной документацией. И здесь уместно, пусть и сугубо предположительно, упомянуть дьяка Патриаршего разрядного приказа с 1652/53 по декабрь 1662 г. Лукьяна Голосова, хорошо образованного выходца из приказной среды¹⁹, который с декабря 1662 г.²⁰ станет дьяком Посольского приказа, что не может не свидетельствовать о его высоких профессиональных достоинствах.

В любом случае эти наблюдения позволяют еще раз подчеркнуть, что подготовка грамоты 1654 г., не являясь спонтанным актом, проводилась вполне основательно, что заставляет задаться следующим вопросом — о причинах появления документа.

Напомним, что грамота 1654 г. была не первым примером вмешательства патриарха Никона в экономическую сферу: по указу от 11 августа 1652 г., исходящего, как и грамота 1654 г., от имени

царя, но составленного, по мнению исследователей, по инициативе патриарха, воплотившего в нем уже в общегосударственном масштабе свои идеи периода пребывания на новгородской митрополичьей кафедре²¹, была проведена так называемая «кабацкая реформа». По меткому замечанию С. Б. Веселовского, «реформа эта была проникнута необычайной для московского правительства решимостью пожертвовать фискальными интересами ради отвлеченных идей» и решительно порывала «со всеми кабацко-приказными традициями», и, вероятно, поэтому была неудачна — уже к 1663/64 г. различные ее положения были отменены и почти полностью восстановлен старый порядок²².

Параллели очевидны: почти одновременное с чрезвычайно значимыми для личного положения Никона событиями (интронизация на патриарший престол 25 июля 1652 г. и открытие 27 февраля 1654 г. инициированного им поместного собора, посвященного церковным реформам²³) появление двух²⁴ формально исходящих от имени высшего светского правителя, а в действительности подготовленных по замыслу высшего духовного иерарха актов, по своему содержанию связанных с финансово-экономическими вопросами, но одновременно имеющих идеологическую, если угодно, абстрактно-гуманистическую направленность, не слишком хорошо сочетающуюся с реальной жизнью, — борьба против разоряющего народ излишнего пьянства и таких же действий мытчиков и откупщиков, мздоимцев и лихоимцев (на самом деле, таможенные нормы грамоты 1654 г. не вносили практически ничего нового по сравнению с приговором 25 октября 1653 г.). Одинаков был и конец инициатив патриарха: несмотря на все инвективы грамоты с золотой печатью откупа ликвидированы не были²⁵, наоборот, и в следующие десятилетия правительство рассматривало именно откупную систему сбора таможенных пошлин (там, где, разумеется, это было возможно — в относительно небольших по объему сборов таможнях) как наиболее предпочтительную²⁶.

В целом, представляется, что причина появления грамоты 30 апреля 1654 г. крылась в стремлении патриарха Никона высказать в открыто публицистической форме свои собственные взгляды не только в отношении церковных обычаев, но и сфере общественной жизни, развития экономики и финансов в момент своего наивысшего влияния, в том числе и на царя, и подчеркнуть свой авторитет, используя появившиеся в его распоряжении мощности печатных станков московской типографии (понятно, что степень распространения среди различных групп населения 1200 экземпляров печатного текста была заведомо выше, чем рукописных приказных копий). Вряд ли случайно и исчезновение следов этого влияния после ухода с исторической сцены самого патриарха.

В заключение рассмотрения обстоятельств появления грамоты 1654 г. заметим, что в дальнейшем необходимо изучить, привлекая материалы таможенного производства, особенности применения «приказного» и «патриаршего» документов — использовались ли приговор 25 октября 1653 г. и грамота 30 апреля 1654 г. параллельно или предпочтение отдавалось какому-то одному документу и какому именно; насколько широко и где именно была распространена печатная грамота²⁷; существовал ли таможенный откуп в период 1654–1658 гг., в момент пребывания Никона на патриаршем престоле. Ответы на эти вопросы помогут окончательно определить характер грамоты 1654 г.: представляла ли она собой некое идеолого-публицистическое произведение, причем одно из первых, напечатанных в московской типографии при патриархе Никоне, или являлась действующим законодательным актом.

Примечания

¹ Публикацию текста см.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. № 158; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 107; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4: 1645–1700. № 62/II; Таможенное дело России: Сб. док. и материалов. Т. 1: 907–1721 гг. М., 1997. С. 136–138 (по тексту ПСЗРИ).

² Литература, посвященная этому акту, весьма обширна, поэтому сошлемся на две библиографии, включающие среди прочих работ исследования по таможенному законодательству: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 747–757; *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Тамбов, 2006. С. 545–571.

³ Публикацию текста см.: СГГД. Ч. 3. № 173; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 122; Таможенное дело России. Т. 1. С. 39–41 (по тексту ПСЗРИ).

⁴ Грамота 1654 г. не упоминалась ни в общих исследованиях по истории таможенного дела (*Николаева А. Т.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Изв. 1950. Т. 31. С. 262–263); Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955 (Гл. 1. § 4. Торговля / К. В. Базилевич, Н. В. Устюгов; Гл. 7. § 3. Финансы / Н. В. Устюгов; *Шумилов М. М.* История торговли и таможенного дела в России IX–XVII вв. СПб., 1999), ни в работах, посвященных таможенному делу или развитию торговли в отдельных регионах (*Шемякин А. И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000; *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке) или таможенной деятельности отдельных категорий населения (*Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004 (Гл. 3. § 1. Службы посадских людей в таможнях, кабаках, при банях и мельницах)).

- ⁵ См., например: *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1. С. 9–10; *Тихонов Ю. А.* Таможенная политика Российского государства с середины XVI до 60-х годов XVIII в. // *ИЗ.* 1955. Т. 53. С. 276; *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 42.
- ⁶ *Захаров В. Н.* Таможенное управление в России в XVII в. // *Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.*: Сб. ст.: Посвящается памяти А. Д. Горского. М., 1991. С. 52.
- ⁷ *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 105, 132–133, 243.
- ⁸ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Свод. кат. М., 1958. № 255; *Гусева А. А.* Издания Московского печатного двора в период патриаршества Никона // *Федоровские чтения.* 2005. М., 2005. С. 305.
- ⁹ Ср.: «имати (*вариант:* емлют) таможенные пошлины с рубля по две деньги (*вариант:* четыре деньги) с рубля» — уставные грамоты Соли Вычегодской 1590 г., Устюга Великого 1619 г., Переславля-Рязанского 1620 г., Перевицка 1621 г. (*Кустерев С. Н.* 1) Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков; Т. 1). С. 19–26; 2) Документ о таможенном деле в Калуге и Перевицке в начале 20-х годов XVII в. // *ОФР.* М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 146–149, 152–156) и «таможенную пошлину имати <...> по десяти денег с рубля» — приговор 25 октября 1653 г. (СГГД. Ч. 3. № 158. С. 490).
- ¹⁰ СГГД. Ч. 3. № 173. С. 517.
- ¹¹ Там же. № 158. С. 490, 491; № 173. С. 518, 519.
- ¹² ОР ГИМ. Собр. Е. А. Барсова. № 897, 898; Собр. П. П. Щукина. № 667 (отсутствует первая часть — «Известие» И. Шушерина, но это, скорее, дефект конкретной рукописи — утрата начала); Воскресенское собр. № 129-бум; ОР РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 415; РГАДА. Ф. 357. Собр. Саровской пустыни. Оп. 1. № 127.
- ¹³ Во всех изданиях «Известие», текст которого заимствован именно из сборника, публикуется без «конвоия» (лучшее, на наш взгляд: *Шушерин И. К.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). 2-е изд. М., 1908 (с предисловием архимандрита Леониды), т. е. без всех других материалов, в том числе и грамоты 1654 г. Архимандрит Леонид указал на присутствие после текста жития «нескольких актов», которые, с его точки зрения, «имеют лишь значение исторических материалов и уже все напечатаны в разных сборниках и периодических изданиях», и поэтому опускаются. Церковный археограф был неправ: и напечатаны в то время были далеко не все, входившие в сборник, материалы, и само изучение сочинения И. Шушерина предполагает обязательный анализ включающих его рукописей, что невозможно без их полной публикации. Однако именно это обстоятельство и послужило, по-видимому, причиной того, что историки не знали о существовании грамоты 1654 г. в подобном контексте.
- ¹⁴ К сожалению, в литературе неизвестно не только имя составителя сборника, но и не ставился вопрос о необходимости его определения.
- ¹⁵ См., например: *Раздорский А. И.* Можайская уставная грамота 1613 года // *Кодекс-Info.* 2000. № 9. С. 135–139; *Кустерев С. Н.* 1) Нормативные документы таможенных учреждений... С. 19–26; 2) Документ о таможенном деле в Калуге и Перевицке... С. 146–149, 152–156; 3) Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // *ОФР.* М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 211–233; *Булгаков М. Б., Гамаюнов А. И.* Уставная таможенная грамота города Лебедяни 1628 г. // Там же. С. 234–243.
- ¹⁶ Образцы почерка патриарха Никона см.: Патриарх Никон: Облачения, лич. вещи, автографы, вклады, портр. из собр. Гос. Ист. музея, музея-заповедника «Москов. Кремль»... / [Е. М. Юхименко и др.]. М., 2002. С. 58. № 17; С. 70. № 28; С. 79. № 31.
- ¹⁷ См., например: *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками: Исслед. и тексты. М., 2007. С. 176–320.
- ¹⁸ Показательно упоминание в грамоте «нового чудотворца» митрополита Филиппа, мощи которого сам Никон, тогда еще митрополит Новгородский, привез весной — в начале лета 1652 г., к авторитету которого он апеллировал в написанных лично им сочинениях этого периода, в частности, в «Слове благополезном...» на основании Валдайского Иверского монастыря, сочиненном до 1656 г. (См.: *Никон, патриарх.* Труды / Патриарх Никон; Науч. исслед., подгот. док. к изд., сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. М., 2004. С. 80).
- ¹⁹ О Лукьяне Голосове см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 110, 111, 117, 211, 217.
- ²⁰ *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат... С. 232.
- ²¹ Публикацию текста см.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 72, 82. Об указе см.: *Веселовский С. Б.* 1) О кабаках и кружечном дворе в 1651 г. в Новгороде // *ЧОИДР.* М., 1907. Кн. 1. Отд. 4. Смесь. С. 38–40; 2) Две заметки о Боярской думе // *Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели.* Сб. ст., посвящ. С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 299–310.
- ²² *Веселовский С. Б.* О кабаках и кружечном дворе... С. 38.
- ²³ Подробнее см.: *Макарий (Булгаков М. П.).* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 80–90.
- ²⁴ 30 апреля 1654 г. датирован опубликованный текст грамоты. Первоначальный же документ (рукописный текст, с которого делался набор) был подготовлен, по всей видимости, учитывая процесс создания подобного рода актов (черновик → редакционная правка → беловик) и время, необходимое на собственно типографские работы в конце марта — первой половине апреля 1654 г.
- ²⁵ Примеры их сохранения см.: *Захаров В. Н.* Таможенное управление в России... С. 52.
- ²⁶ В частности, в 1668 г. грамотой из Москвы за приписью дьяка Дмитрия Шубина путивльскому воеводе М. Волконскому было предписано «таможню и кабаки отдать на откуп из наддачи... охочим людям», которых, правда, как следует из отписки самого воеводы, в городе не обнаружилось, и поэтому во главе этих учреждений были поставлены верные головы (РГАДА. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 2. № 235. Л. 12, 78 (листы в столбце перепутаны)).
- ²⁷ В настоящее время известны отдельные экземпляры печатной грамоты (например: РГАДА. Ф. 196. Собр. Ф. Ф. Мазурина. Оп. 2. № 278. Л. 1–2) или упоминания о ее существовании (*Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 216).